

Н. Н. ПРОКОПОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПРОСТЫХ И СЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Сам по себе вопрос об объеме словосочетания в общей теории синтаксиса и в истории научной его разработки занимает скромное место. Значение этого вопроса определяется главным образом его неразрывной связанностью с тем или другим пониманием сущности словосочетания, его отношения к другим языковым единицам — предложению и слову. Поэтому, с одной стороны, решение этого вопроса обусловлено той или другой общей концепцией словосочетания, а с другой — то или иное решение в свою очередь служит либо подтверждением этой общей концепции, либо, напротив, вступает с ней в противоречие.

Хотя вопрос об объеме словосочетания и не стоял в центре внимания исследователей и теоретиков синтаксиса, почти все они в различной степени его касались. Ученые, рассматривавшие предложение лишь в качестве разновидности словосочетания (Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон в начале своей научной деятельности, на Западе — И. Рис и др.), специально не ставили вопроса об объеме и границах словосочетания, так как в последнее включались даже сложные предложения. Это же можно сказать и о тех ученых (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), которые, опираясь на синтаксическую концепцию Фортунатова, хотя каждый различно, стремились к объединению учения о словосочетании с учением о предложении. В работах этих ученых отмечается минимальный объем словосочетания — наличие по крайней мере двух полнозначных слов. Такое указание находим, например, у Фортунатова, определявшего словосочетание как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части»¹. Следует отметить, что Пешковский в стремлении непременно вывести предложение из словосочетания, как известно, склонялся к парадоксальному утверждению о наличии в языке одночленных словосочетаний, считая возможным в определенных случаях приравнивать к последним слова (однословные предложения). Однако в определении словосочетания указывается в качестве его минимального объема два компонента («словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли») ².

В западноевропейской науке определение синтагмы как понятия чрезвычайно широкого и применимого не только в синтаксисе, но и в морфологии было выдвинуто Ф. де Соссюром и вытекает из его общей лингвистической концепции. Как известно, де Соссюр относил к синтагмам любые соединения смежных языковых элементов, которые «выстраиваются один за другим в речевой цепи и выражают отношения определяющего и определяемого. В соответствии с этим, по определению де Соссюра, «синтагма всегда состоит из двух или нескольких последовательных единиц» ³. Та-

¹ Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб., 1904, стр. 393.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 63.

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1938, стр. 121.

ким образом, под понятие синтагмы подводятся и морфемы производного слова, и предложно-падежные формы, и словосочетания, и соединения подлежащего с сказуемым, и даже части сложного предложения. С другой стороны, в определении синтагмы нет указания на обязательную ее двучленность; указывается лишь минимальный объем синтагмы — два элемента, два члена.

Лингвистическое учение Ф. де Соссюра оказало огромное влияние на дальнейшее развитие науки о языке на Западе. Основные принципы этого учения в большей или меньшей мере, прямо или косвенно были восприняты всеми школами современной структуральной лингвистики.

Применение структуралистских методов в области синтаксиса не привело пока к сколько-нибудь ощутимым результатам. Нет общей теории структурального синтаксиса, не разработаны методические основы для изучения синтаксиса отдельных языков¹. Попытки применения общих установок и принципов к практике изучения и описания синтаксического строя национальных языков не только вносят мало нового (если не считать обилия новых терминов), но нередко свидетельствуют о возврате в известной мере к синтаксической традиции².

Об этом же свидетельствуют и более ранние по времени работы и исследования непосредственных учеников и последователей Ф. де Соссюра — представителей женеvской и пражской школ (Ш. Балли, Н. Трубецкого, С. Карцевского и др.). Намеченное в «Курсе» Ф. де Соссюра лишь в самых общих чертах, учение о синтагме в их работах получает дальнейшее развитие. Прежде всего возникла необходимость уточнить самое понятие синтагмы, поскольку наряду с этим термином в указанном предельно абстрактном понимании де Соссюра непременно должны существовать другие термины для наименования различных понятий, поглощаемых термином «синтагма».

С таким именно фактом мы и встречаемся в упомянутых выше работах. Действительно, хотя словосочетание (как одна из разновидностей синтагмы в соссюрианском понимании этого термина) и слово обнаруживают известную близость, выступая в языке в качестве номинативных единиц и используя в целях коммуникации только в строе предложения, они не только не тождественны, но и совершенно различны.

Различие между частями слов (морфемами) и членами словосочетания принудило С. Карцевского выделить в кругу синтагм две разновидности: синтагмы «внутренние» (т. е. морфемы) и синтагмы «внешние» (т. е. синтаксические единицы, близкие к словосочетанию в понимании Фортунатова и ряда других ученых)³. Именно эта внешняя синтагма используется С. Карцевским и для выяснения структуры предложения (фразы), представляющего собой цепной ряд синтагм, в котором знаменательные слова

¹ См. ответы Б. Гавранка, К. Горалка, В. Скалички и П. Троста на вопрос «Что нового внесла структуральная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?», ВЯ, 1958, № 2.

² Несомненный интерес в этом плане представляет статья В. Г. Адмони «Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм» (ВЯ, 1956, № 6), посвященная рассмотрению синтаксических построений двух течений современного структурализма — датских структуралистов (В. Брэндалль и особенно Л. Ельмслев) и американских дескриптивистов (работа Р. Холла, посвященная французскому языку, работа Дж. Трейджера и Г. Л. Смита и книга Ч. Фриза, посвященные английскому языку). Отмечая отдельные положительные черты в подвергнутых анализу работах, В. Г. Адмони приходит к выводу, что, «как это парадоксально ни звучит, с точки зрения анализа системы отдельного языка в ее цельности и своеобразии структурализм не причастен к тем достижениям, которые характерны для современной синтаксической теории, а, скорее, продолжает традиции старого эмпирического синтаксиса», а с другой, «что структурализм — по крайней мере в области синтаксиса — вряд ли является основным и обобщающим методом лингвистического анализа» (стр. 64), хотя отдельные его положительные стороны и должны быть учтены в дальнейшей разработке синтаксической теории и практики.

³ См. С. О. Карцевский, Повторительный курс русского языка, М., 1928; см. также его «Système du verbe russe», Prague, 1927.

могут быть определяемыми по отношению к одним словам и одновременно определяющими — к другим.

С другой стороны, хотя в предложении и словосочетании можно обнаружить некоторые сходные черты, эти языковые единицы не только не тождественны, но и качественно различны. Примечательно в связи с этим стремление в ходе развития учения Ф. де Соссюра разграничить синтагмы-предложения и синтагмы-непредложения, синтагмы предикативные и непредикативные.

Так, Н. С. Трубецкой различает, с одной стороны, синтагмы определятельные (*déterminatifs*), образованные определяемым и определяющим, и синтагмы предикативные, образуемые подлежащим и сказуемым (ср. незаконченные и законченные словосочетания у Фортунатова). Кроме того, выделяется и еще один разряд, который составляют синтагмы сочинительные (*sociatifs*)¹. Последние соотносительны с синтагмами первых двух разрядов, вместе взятых, ибо вызывают представление о несочинительных (или, иначе, подчинительных) синтагмах. Такое уточнение находим в более поздней по времени статье А. Фрея «Заметки по анализу синтагм», который сочинительным (или координационным) противопоставляет синтагмы подчинительные (*syntagmes de subordination*)².

Большой вклад в разработку общей теории синтаксиса внес своим трудом «Общая лингвистика и вопросы французского языка» Ш. Балли (русск. перевод—М., 1955), хотя в его синтаксической концепции, в частности в высказываниях о синтагме, немало неясностей и противоречий³. В синтаксических построениях Ш. Балли центральное место отводится теории высказывания (см. §§ 26—242 его книги), в которой всестороннему анализу подвергается предложение как «наиболее простая возможная форма сообщения мысли» (§ 27). Учение же о синтагме включается в качестве составной части в эту теорию (см. раздел «Синтагматика» — §§ 151—163), играя в ней подчиненную роль. Больше того, сама синтагма выводится из предложения и рассматривается в первую очередь в качестве конструктивного элемента в его составе (ср. соотношение предложения и словосочетания, законченного и незаконченного словосочетания в синтаксической концепции Шахматова). «Всякое высказывание, — пишет Балли, — логически состоит из двух членов: того, о чем говорят, и того, что об этом говорят; то, что об этом говорят, составляет повод, или (в широком смысле) предикат; член же, представляющий собою причину повода, является темой, или (в широком смысле) субъектом» (§ 154). Тему Балли условно обозначает буквой А, повод — Z. Далее следует определение синтагмы: «Любая совокупность знаков, отвечающая формуле AZ, называется синтагмой; следовательно, синтагмой являются как предложение, так и любая бóльшая или меньшая группа знаков, которую можно свести к форме предложения» (§ 155).

В кругу синтагм выделяют, с одной стороны, полные синтагмы, которые «представляют собой, естественно, предложения», а с другой — неполные, частичные синтагмы, являющиеся «частями предложения» (§ 161). Для последних «тему» принято заменять определяемым, а повод — определяющим. Особую группу синтагм составляют так называемые *сопропозés*, к которым Балли относит и собственно сложные слова, и фразеологические сочетания различного типа, а также свободные, но тесно связанные по смыслу сочетания слов, способные выступать в качестве наименования предмета и часто допускающие в связи с этим замену одним словом — синонимом (§ 154).

Нужно особенно подчеркнуть, что, в отличие от де Соссюра, Балли

¹ См. N. T r u b e t z k o y, Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini, сб. «Mélanges Bally», Genève, 1939.

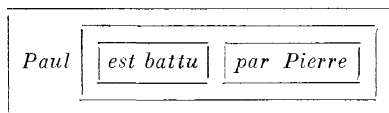
² Н. F r e i, Notes sur l'analyse des syntagmes, «Word», vol. 4, № 2, 1948.

³ См. в «Общей лингвистике...» Ш. Балли вступительную статью Р. А. Будагова, а также указ. статью А. Фрея.

приходит к следующему выводу: всякая синтагма непременно состоит из двух членов, двух элементов. «Всякая синтагма бинарна», — пишет он и тут же совершенно правильно, на наш взгляд, утверждает: «Таким образом, синтагматическое отношение исключает сочинение и происходящее от него сочетания» (§ 155). Однако, несмотря на это, в число синтагм включаются такие сочинительные синтагмы, как «мужчины, женщины и дети», «красно-бело-голубой» и т. п. Противоречивость тезиса Балли о бинарности синтагмы обнаруживается и при обращении к тем синтагмам, которые являются предложениями, так как в кругу последних представлены не только двучленные (иначе дипремы), но и «предложения с одним артикулируемым членом» (т. е. монореми), например «Великолепно!» («Magnifique!»), «За дверь!» («A la porte!») (§ 62 и сл.)¹.

В связи с этим большой интерес представляет полемика по вопросу об объеме синтагмы между югославским лингвистом Ф. Микушем и А. Фреем. В статье «Бинарна ли синтагма?»² Ф. Микуш прежде всего не соглашается с определением синтагмы у Марузо, точнее с указанием на то, что синтагма состоит из «двух или нескольких знаков». По мнению Микуша, синтагма по своему существу всегда остается двучленной, бинарной.

В подтверждение постоянной бинарности синтагмы приводятся специально подобранные автором примеры из французского языка. Например, синтагма-предложение *Paul est battu par Pierre* членится по схеме:

Каждая группа знаков, заключенная в рамку, представляет собой синтагму и состоит только из двух членов.

В своих «Заметках по анализу синтагм» А. Фрей, возражая Ф. Микушу, высказывает ряд интересных мыслей по вопросу о сущности синтагмы. Подчеркивая, что у Трубецкого нет специального указания на бинарность или небинарность (non-binarité) синтагмы, он вслед за Трубецким признает существование социативных синтагм, но считает при этом, что последние, «совершенно очевидно, не могут интерпретироваться» как двучленные, бинарные. Подкрепляя эту мысль ссылкой на других исследователей, а также анализом ряда примеров (в число которых входят и сложные слова), Фрей, возражая Микушу, пишет: «Если хотят утверждать, что всякая синтагма двучленна, то придется отношение координации исключить из области синтагматики. Напротив, если признать эти отношения синтагматическими, то тогда нужно сделать вывод, что синтагма не всегда двучленна».

Как же решается этот вопрос? Фрей стремится сохранить отношения координации в кругу синтагматических отношений. Он ссылается на де Соссюра, который специально не ставил этой проблемы, но в своем «Курсе» рассматривал такие соединения, как „rouge-blanc-bleu“, в качестве синтагмы, но не бинарной». Делается ссылка также на то место «Курса», где рассматриваются составные числительные. Сохраняя общее понятие синтагмы, данное де Соссюром, Фрей считает пущим различать синтагмы подчинительные, которые могут быть только двучленными (бинарными), и синтагмы сочинительные, координационные («les syntagmes sociatifs de Troubetzkoy»), которые являются одни двучленными, другие не-

¹ Ср. высказывания о синтагмах-моноремах И. И. Мещанинова в статье «Синтаксические группы» (ВЯ, 1958, № 3).

² F. Mikuš, Le syntagme est-il binaire?, «Word», vol. 3, № 1—2, 1947. См. также: F. Mikuš, Quelle est en fin de compte la structure-type du langage, «Lingua», vol. III, 4, 1953; Ф. Микуш, Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория, ВЯ, 1957, № 1.

двучленными. В связи с этим положение Балли о двучленности (бинарности) синтагмы предлагается заменить таким: «всякая подчинительная синтагма бинарна»¹.

Таким образом, обращение к изучению и описанию синтаксического строя отдельных национальных языков, как и разработка общей теории синтаксиса, привели учеников и последователей Ф. де Соссюра к выдвижению дополнительных терминов, наполненных конкретным содержанием и необходимых для обозначения реально существующих в языках синтаксических фактов и явлений (внешняя синтагма и внутренняя синтагма; синтагмы предикативные и атрибутивные, или полные и неполные; синтагмы подчинительные и сочинительные).

Весьма важную роль в этом плане сыграл анализ синтагмы с точки зрения ее объема, точнее количества составляющих ее элементов. В связи с этим выделяются как особые единицы социативные, или сочинительные, синтагмы, которые противопоставляются качественно отличным от них синтагмам подчинительным (т. е. предикативным и атрибутивным) (Балли, Фрей). Так выдвигается еще один аргумент в пользу теории словосочетания, которая не включает сочинительные сочетания слов («социативные синтагмы») в систему словосочетаний².

Как показывает история разработки синтаксиса, попытки объединения (или, точнее сказать, смешение) двух столь различных языковых единиц, как предложение и синтагма («внешняя синтагма», или в русском языкознании — словосочетание), несмотря на различия в обосновании, а также в терминах (ср. законченные и незаконченные словосочетания у Фортунатова, предикативные и определительные синтагмы у Трубецкого, полные и частичные у Балли), неизбежно приводят или к умалчанию об однословных предложениях, или к парадоксальному утверждению об однословных (одночленных) синтагмах (словосочетаниях). Ведь в тех случаях, когда предложение признается одной из разновидностей синтагмы (словосочетания), закономерно возникает вопрос о том, как быть с предложениями-словами. В русском языкознании этот вопрос возник перед А. М. Пешковским, вынужденным — хотя и с оговорками — отнести к словосочетаниям и однословные предложения. В. В. Виноградов объясняет это тем, что Пешковский не считался с фактом, что основные признаки предложения лежат за пределами форм словосочетаний³.

Вряд ли можно, как это предлагает Фрей, объединять в одну группу подчинительных синтагм, как всегда бинарных (двучленных), синтагмы предикативные и синтагмы определительные, поскольку в состав подчинительных синтагм последователи де Соссюра обычно включают и слова-предложения (моноремы, по Балли).

*

В советском языкознании последнее десятилетие характеризуется особенно большим интересом к проблеме словосочетания. Однако и до настоящего времени многие важные вопросы теории остаются недостаточно изученными. В частности, специальному исследованию еще не подвергался вопрос об объеме и границах словосочетания, хотя он попутно (и в различной мере) затрагивается в работах многих советских лингвистов.

А. А. Реформатский, рассматривая синтагму как «сочетание двух членов, связанных тем или иным подчинительным отношением»⁴, в самом

¹ Н. Грей, указ. соч., стр. 67.

² См. «Введение» ко II т. (ч. 1) академической «Грамматики русского языка» (М., 1954), написанное акад. В. В. Виноградовым.

³ См. В. В. Виноградов, Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутреннее противоречие, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 39.

⁴ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 253.

определении подчеркивает ее двучленность. Так как при этом предложение определяется как «высказывание, содержащее предикативную синтагму»¹, А. Реформатский встречается с тем же затруднением, с каким и раньше сталкивались ученые, не разграничивающие синтагму (словосочетание) и предложение: оказывается необходимым каким-то путем ввести в синтаксис однословные предложения.

Преодолевается это затруднение двумя путями. Двучленность однословных глагольных предложений типа *Морозит* «доказывается» путем морфологического анализа слова, в результате которого выделяются два элемента: основа (*мороз-*) и флексия (*-ит*)², хотя А. А. Реформатский вслед за С. Карцевским различает «синтагмы внешние» и «синтагмы внутренние». Двучленность однословных предложений иного типа (а их много: номинативные, инфинитивные и др.), очевидно, указанным выше способом доказать невозможно: такие предложения просто объявляются «скрытыми синтагмами» (ср. у Пешковского). При этом понятие, вкладываемое в данный термин, остается нераскрытым.

Рассматривая вопрос об объеме синтагмы, нельзя вкратце не остановиться и на «синтаксических группах» И. И. Мещанинова. «Выделяемые мною синтаксические группы,— пишет акад. Мещанинов,— рассматриваются как двучленные построения, передающие предикативные, атрибутивные и объектные отношения. Первая из них по своему содержанию соответствует предложению. Вторая и третья представляют собою двучленные по своему составу части предложения»³. Для однословных предложений И. И. Мещанинов вводит термин (и понятие) «бинармы», которая представляет собой понятийную категорию в отличие от синтаксической группы как категории грамматической⁴. В соответствии с этим в таких, например, однословных предложениях, как *Дождь!* или *Идет!*, как отмечает акад. Мещанинов, «синтаксическая группа отсутствует, так как имеется лишь один несинтагматизированный член предложения, содержание же бинармы остается тем же»⁵ (ср. «скрытую синтагму» у А. А. Реформатского).

Справедливо отмечая сложность и недостаточную разработку вопроса об объеме и границах словосочетания, В. П. Сухотин ограничивается лишь некоторыми наблюдениями по этому вопросу⁶. Он подчеркивает большую роль, которую играют в образовании словосочетаний парные соединения полнозначных слов, отмечает довольно широкое распространение в русском языке трехсловных и четырехсловных словосочетаний и приводит краткий перечень различных типов сочетаний многословного образования. Сочинительные соединения слов В. П. Сухотин считает словосочетаниями особого типа, отличающимися от собственно словосочетаний и с точки зрения их объема⁷.

Хотя В. В. Виноградов относит вопрос об объеме словосочетания к малоизученным, его работы вносят ясность в этот сложный и, как мы видели, запутанный вопрос. Принципиальное отличие теории словосочетания, выдвинутой В. В. Виноградовым, от других соответствующих, а вместе с тем и несомненное преимущество ее перед другими заключается прежде всего в том, что словосочетание сопоставляется как с предложением, так и со словом, но не отождествляется и не смешивается с ними. Словосочета-

¹ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, стр. 260.

² Там же, стр. 254.

³ И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 31.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ В. П. Сухотин, Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова (Словосочетание), т. 1—2. Докт. диссерт., М., 1950; см. его же, Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе М. Ю. Лермонтова, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, 1953, и др.

⁷ В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 155—157.

ние, по определению В. В. Виноградова, представляя собою синтаксическую конструктивную единицу, служит средством номинации, сближаясь таким образом со словом, но сохраняя резкое отличие от отдельного (даже сложного) слова. Коммуникативную функцию словосочетание, как и слово, выполняет лишь при посредстве предложения в его составе. Словосочетание лишено основных признаков предложения (синтаксические категории модальности, времени, лица, а также интонация сообщения) и потому качественно отличается от него, хотя и постоянно взаимодействует с ним.

В соответствии с этим В. В. Виноградов рассматривает типы словосочетаний как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух и больше знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия»¹. Таким образом, выделяются прежде всего наиболее употребительные словосочетания, состоящие из двух полнозначных слов, иначе простые словосочетания. Эти последние могут распространяться другими словами, образуя словосочетания сложные, состоящие из трех и более слов. Границы сложного словосочетания определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и сложного обозначения предметов, действий, качеств. С другой стороны, усложнение словосочетания не может выходить за рамки так наз. непредикативных сочетаний слов.

*

Сложные словосочетания, т. е. состоящие из трех и более полнозначных слов, при значительном их разнообразии могут быть сведены по существу к трем основным типам².

Первую группу составляют сложные словосочетания такой структуры: простое словосочетание плюс зависимое от него отдельное слово. Сюда относятся такие, например, адъективные словосочетания, как выделенные в приведенных ниже предложениях: 1) «В его душе пробудилось смутное сожаление к тем *близким ему по крови* людям, которые...» (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы); 2) «...нигде не могли бы достовернее сказать о *широко известном в городе* актере» (Федин, Необыкновенное лето); 3) «Он зорко следил за тем, чтобы все солдаты...берегли оружие и держали его *всегда готовым к бою*...» (Бубеннов, Белая береза).

Сложные словосочетания такого типа представляют собой продукт присоединения к простому словосочетанию зависимого слова, уточняющего первое в целом:

Таким образом, на основе распространения простого словосочетания, сохраняющего свое номинативное единство и выступающего в качестве стержня, возникает новое, более сложное (а вместе с тем и более конкретное), но единое по своему значению словосочетание. Ср., например, *известный* и *широко известный*, *широко известный* и *широко известный в городе* и т. д.

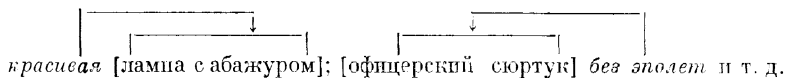
Сложные сочетания такого типа широко представлены и в кругу субстантивных словосочетаний. Например: 1) «На столе стояла *красивая лампа с абажуром*» (Л. Толстой, Анна Каренина); 2) «На нем был *офицерский вюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка*» (Лермонтов, Бэла); 3) «Туркенич происходил из *почтенной красnodонской семьи*...» (Фадеев, Молодая гвардия); 4) «Ей вспомнилась... *покосившаяся хатенка около школы*...» (А. Толстой, Хмурое утро).

Эти субстантивные словосочетания также представляют собой результат распространения простых словосочетаний, состоящих в одном случае

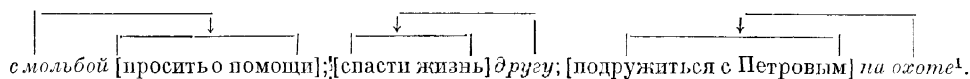
¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 18—19.

² Изложенные ниже наблюдения и выводы сделаны на основе изучения адъективных и частично субстантивных словосочетаний в русской художественной литературе. Примеры глагольных словосочетаний заимствованы из академической «Грамматики русского языка» (т. II, ч. 1).

из существительного и зависимого от него существительного с предлогом, а в другом — из существительного и зависимого от него прилагательного:

Сложные словосочетания подобного типа отмечаются и в системе глагольных словосочетаний. В качестве примеров можно привести такие:

Характерные особенности рассмотренной группы сложных словосочетаний заключаются в следующем:

1. Зависимое слово, распространяющее простое словосочетание, уточняет последнее и относится по смыслу к нему в целом, а не к главному, стержневому его члену.

2. Возможность употребления зависимого слова определяется главным, стержневым словом распространяемого простого словосочетания; с ним присоединяемое зависимое связано грамматически по способу согласования или управления.

3. Зависимое слово, распространяющее простое словосочетание, и зависимое слово, входящее в состав последнего, ни по смыслу, ни грамматически друг с другом не связаны.

4. В связи со сказанным в рассмотренных сложных словосочетаниях возможны варианты в группировке представленных в них слов. Так, в сложном словосочетании *покосившаяся хатенка около школы* наряду с приведенным мог бы быть и другой вариант: *покосившаяся хатенка около школы*; в сложном словосочетании *органически враждебный Клим* возможен и другой вариант: *органически враждебный Клим*, и т. д. Это обусловлено употреблением словосочетания в речи, степенью смысловой связи различных членов словосочетания. При этом структурно рассматриваемый тип не меняется.

5. Таким образом, рассматриваемые сложные словосочетания по существу всегда пары: в основе их всегда лежит модель простого, двусловного словосочетания.

Вторая группа состоит из сложных словосочетаний такой структуры: стержневое (главное) слово плюс зависимое от него простое словосочетание. Таковы адъективные словосочетания, выделенные в приведенных ниже предложениях: 1) «...сколько я видел прекрасных молодых людей, *достойных лучшей участи* и уезжавших отсюда прямо под венец...» (Лермонтов, Княжна Мэри); 2) «Налево, параллельно дороге, тянулся холм, *кудрявый от мелкого кустарника* (Чехов, Враги); 3) «Необычная *для начала весны* раскохалась теплынь» (Шолохов, Поднятая целина); 4) «Затем натянутая любезность, с какой обращался с ней доктор, тоже шокировала *покорную приличиям света* натуру Хионии Алексеевны» (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы).

Отношения между компонентами в структуре таких сложных словосочетаний графически можно обозначить так:

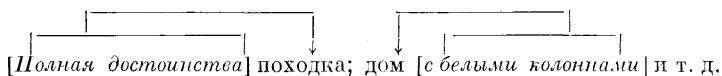
Сложные словосочетания этого типа (как и словосочетания первой группы) характеризуются номинативным единством. Следует отметить, что сложные словосочетания рассматриваемого типа могут быть подразделены на две

¹ См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 20, 130—132.

подгруппы: а) такие, которые могут выступать только как трехсловные (см. 1-й и 3-й примеры), так как без пояснительного слова при зависимом существительном они были бы семантически, по смыслу недостаточны (ср. невозможность образования сочетаний *достойный участи* и др.); б) такие, наряду с которыми возможны и простые, двусловные (примеры 2-й, 4-й). Ср. *кудрявый от кустарника* и *кудрявый от мелкого кустарника*.

Однотипны по структуре и такие субстантивные словосочетания, как приводимые ниже: 1) «Пастухов шел *полной достоинства походкой*» (Федин, Необыкновенное лето); 2) «Прохор... нервно перебирал пальцами *скользкие от росы поводья*» (Шолохов, Тихий Дон); 3) «Идут лучшие сердца, *честного ума люди...*» (Горький, Мать); 4) «*Судья с бледным лицом* поднял веки» (Горький, Мать); 5) «В... доме *с белыми колоннами...* жила некогда барыня...» (Тургенев, Муму); 6) «Я увидел *необходимость переменить разговор...*» (Пушкин, Капитанская дочка); 7) «Она чувствовала *потребность высказаться перед Смолиным...*» (Горький, Фома Гордеев).

Как видно из примеров, в качестве зависимого члена в таких сложных единицах могут выступать адъективные, субстантивные и глагольные словосочетания; связь между членами в этих сложных словосочетаниях графически можно изобразить так:

Все сказанное относительно адъективных словосочетаний этой группы полностью относится и к субстантивным. В частности, и здесь можно выделить такие разновидности: а) словосочетания, которые могут употребляться только как трехсловные (см. примеры 1-й, 4-й, 5-й, 6-й), так как главное слово зависимого словосочетания без пояснительного семантически неполноценно¹; б) словосочетания, наряду с которыми возможны и простые, двусловные сочетания (примеры 2-й, 5-й, 7-й). Ср. *дом с белыми колоннами* и *дом с колоннами*, *потребность высказаться* и *потребность высказаться перед кем-то* и т. д.

К этой же группе примыкают сложные субстантивные словосочетания такого типа, как: *солдат с винтовкой в руках*, *старик с мешком за плечами*, *скатерть в пятнах по краям* и т. д. Например: 1) «На козлах сидел *лакей с...хлыстом в руках*» (Чехов, Стень); 2) «*Фасад с резным... крыльцом посредине* обращен во двор...» (Горький, Жизнь Матвея Кожмякина); 3) «*Паренек с пушиком на губе* и смеющаяся Фаина... — дорогие образы, оставленные у входа в жизнь» (Панова, Спутники).

Сложные словосочетания с такой же структурой обнаруживаются и в системе глагольных. Таковы, например, словосочетания: 1) «Танки *горели голубым пламенем* среди белых ромашек» (Кетлинская, В осаде); 2) «Эти дни ставка жила *лихорадочной жизнью*» (Шолохов, Тихий Дон); 3) «*Быстрыми шагами* она шла к дому...» (Николаева, Жатва).

В связи с наличием таких сложных глагольных словосочетаний может возникать «синонимический параллелизм функционально сближающихся двусловных и трехсловных словосочетаний». Ср. *идти быстрыми шагами* — *быстро идти*, а также: *тихо поздороваться* и *поздороваться тихим голосом*, *вяло идти* — *идти вялой походкой*².

Характерные особенности второй рассмотренной нами группы сложных словосочетаний заключаются в следующем:

1. В качестве зависимого компонента, распространяющего стержневое слово, здесь выступает не отдельное слово, а простое словосочетание. Не

¹ Ср. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 19.

² Там же, стр. 20.

языка его границы определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и расчлененного сложного обозначения действия, предмета, качества. Усложнение словосочетания не может выходить за рамки тех отношений между компонентами, которые присущи словосочетанию как особой языковой единице. Усложнение словосочетания на основе таких отношений между компонентами, которые присущи предложению или его членам (например, предикативность, модальность, однородность и др.), возможно только при реализации словосочетания в строе предложения. Поэтому такие соединения слов не могут рассматриваться в кругу словосочетаний. Так, например, к числу словосочетаний не могут быть отнесены выделенные соединения слов в предложениях: 1) *«Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе...»* (Горький, В людях); 2) *«На красном (очевидно от невоздержания) лице выступали пятна...»* (Л. Толстой, Война и мир); 3) *«Вода, голубая оттого, что в ней отражалось небо, страстно манила к себе»* (Чехов, Степь); 4) *«...они вступили в новую, неизвестную и такую странную, после того как двадцать четыре года они свободно ходили по родной земле, подпольную жизнь»* (Фадеев, Молодая гвардия).

Итак:

1. В кругу словосочетаний (или синтагм, иначе «внешних синтагм») с точки зрения количественно-структурной выделяются простые, всегда двучленные, состоящие из двух полнозначных слов, и сложные, состоящие из трех, четырех и более полнозначных слов.

2. Объем словосочетания определяется прежде всего с точки зрения минимального количества составляющих его компонентов: словосочетание состоит не меньше чем из двух полнозначных слов. Определение минимального объема важно прежде всего потому, что именно простое двусловное словосочетание лежит в основе словосочетаний усложненной структуры; с другой стороны, это важно для отграничения словосочетания от предложения. Наличие, наряду с простыми, словосочетаний сложных, с одной стороны, обуславливает необходимость соответствующего указания в самом определении словосочетания, а с другой — ставит вопрос о границах усложнения словосочетания, о его максимальном объеме.

3. Объем словосочетания, будучи обусловлен его грамматической природой, в то же время облегчает выяснение последней и входит в круг признаков, характерных для словосочетания как особой единицы.

4. Словосочетание представляет собой номинативное единство, используемое, как и слово (хотя и сохраняя отличия от него), в построении предложения. Это характерно как для простого, так и для сложного словосочетания и служит основой установления границы усложнения простого словосочетания. Сложное словосочетание не может выходить за рамки выражения единого, хотя и сложного значения.

5. Объем словосочетания и границы его усложнения неразрывно связаны с качественным отличием от предложения. Словосочетание состоит минимум из двух слов, предложение может состоять и из одного слова, ибо свойственная последнему и чуждая словосочетанию предикативность может быть заключена и в одном слове (причем не обязательно спрягаемом глаголе). Поэтому так называемые предикативные словосочетания (т. е. соединения подлежащего со сказуемым) и с точки зрения объема не однородны со словосочетаниями, не должны включаться в их систему.

6. По той же причине соединения слов, которые связаны с предикативностью (слова с распространяющими их придаточными предложениями, слова с обособленными синтаксическими конструкциями, с модальными словами и др.) и возникают в строе предложения, резко отличаются от словосочетаний также и с точки зрения количественно-структурной.

7. Наконец, и с точки зрения объема и характера усложнения к словосочетаниям не могут быть отнесены и «сочинительные» соединения слов, присущие предложению и связанные с выделением в нем его членов.